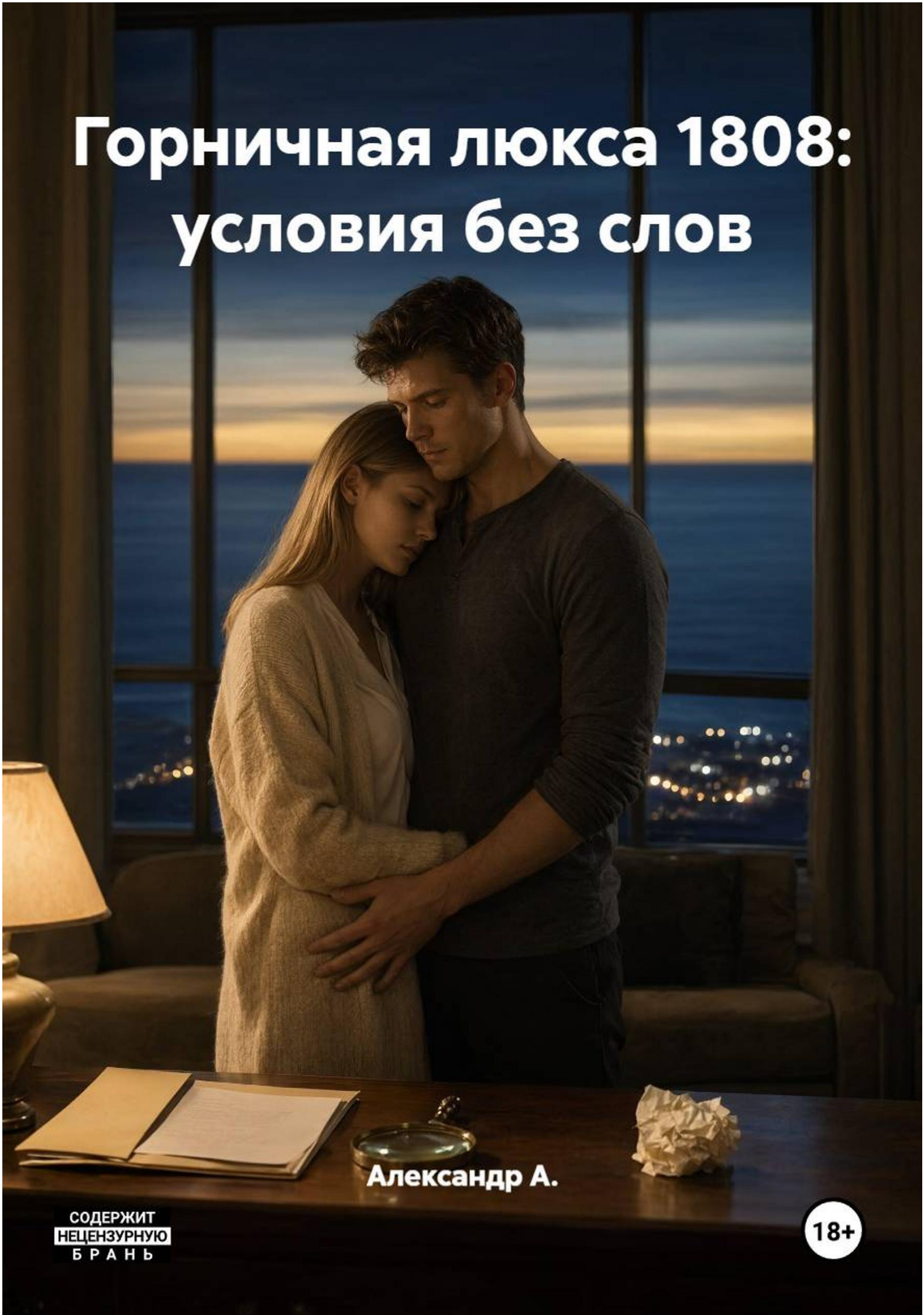
Горничная люкса 1808: условия без слов

Александр А.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Александр А.

Горничная люкса 1808: условия без слов

«Автор»
2026

А. А.

Горничная люкса 1808: условия без слов / А. А. — «Автор», 2026

Внимание! В тексте есть нецензурная лексика и сцены 18+. Вера убирает люксы в отеле «Меридиан» и давно усвоила правило: не смотреть постояльцам в глаза. Но жилец номера 1808 нарушает все правила — он не спит ночами, не выходит из номера и знает её имя, хотя она его не называла. В пятницу он оставляет на столике конверт: чек, с которым она не проживёт год, и одна строка — «Ужин. Восемь вечера. Одно условие, о котором не спрашивают». Вера стоит перед выбором: взять деньги, забыв о гордости, или войти в номер 1808 и узнать, какую цену он назовёт вслух. Иногда самое опасное — не отказ, а согласие.

© А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гостиничное правило 6
Глава 2. Конверт 7
Глава 3. Первый рабочий день 8
Глава 4. Война в приёмной 10
Глава 5. Трое суток 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Александр А.
Горничная люкса 1808: условия без слов

Внимание! В тексте есть нецензурная лексика и сцены 18+.

Аннотация.

Вера убирает люксы в отеле «Меридиан» и давно усвоила правило: не смотреть постояльцам в глаза. Но жилец номера 1808 нарушает все правила — он не спит ночами, не выходит из номера и знает её имя, хотя она его не называла. В пятницу он оставляет на столике конверт: чек, с которым она не проживёт год, и одна строка — «Ужин. Восемь вечера. Одно условие, о котором не спрашивают». Вера стоит перед выбором: взять деньги, забыв о гордости, или войти в номер 1808 и узнать, какую цену он назовёт вслух. Иногда самое опасное — не отказ, а согласие.

Глава 1. Гостиничное правило

Первое правило работы горничной в отеле «Меридиан» Вера вывела сама, в первый же месяц: не смотреть в глаза постояльцам.

Не потому, что запрещено. Как раз наоборот — постояльцы смотрели. Скользили взглядом по её форме, по наклонённой спине, когда она меняла полотенца, и делали это безнаказанно, потому что горничная для них — что-то вроде удобной мебели с человеческой ценой. Вера научилась работать, глядя в пол. Это спасало от всего: от неловкости, от нахальных улыбок, от мысли, что она — женщина, которая три года назад защищала диплом с отличием, а теперь заправляет чужие кровати за тридцать семь тысяч в месяц.

Люксы на восемнадцатом этаже убирали в порядке очереди. В пятницу очередь Веры остановилась на 1808.

Номер занимал жилец уже одиннадцать дней — немыслимый срок для люкса, где неделю не живут даже звёзды. Ключ так и не сработал на «убрано»: каждый день Вера заходила в идеальный, нетронутый номер, где кто-то сидел ночами за столом у окна, не ел заказанного завтрака и не позволял шумихе убрать со стола единственный предмет — тёмно-синюю записную книжку без титула на обложке.

Дверь была открыта. Это уже нарушение: жилец всегда запирался изнутри, всегда.

— Войдите, — сказали из глубины номера. Не спросили. Просто констатировали, что она уже здесь.

Вера вошла, держа тележку перед собой, как щит. Человек у окна не повернулся. Только по отражению в тёмном стекле было видно: высокий, дорогой костюм, закатанные до локтя рукава, седина на виске, к которой нет ни одного года примеси. Он не спал ночами — это читалось по глазам, уставшим не от усталости, а от чего-то, чего Вера не могла назвать.

— Вы вилла? — спросил он, не оборачиваясь. Имя на бейдж — «Вера, 18 этаж» — он прочёл, кажется, ещё в понедельник.

— Уборка, — ответила она тоном, каким произносят «следующий».

— Восемь дней подряд убирает один и тот же номер. Совпадение?

— Очередь.

— Восемь дней подряд — очередь? — он всё-таки повернулся. Взгляд у него был такой, будто он перекладывал её на ладони, как пачку важных бумаг, и решал, что с ней делать: подписать или вернуть отправителю. — Меня зовут Артём Владимирович. Запомните имя. Через месяц оно будет в деловых сводках, и вам будет приятно, что вы его слышали раньше всех.

Вера молча взяла пепельницу с единственной окуренной сигаретой за одиннадцать дней — не бросил, просто держал в пальцах.

— В понедельник мне нужен ассистент, — продолжил он ровно, как диктуют слева направо. — Не секретарша. Ассистент. Проживание, питание, семьдесят тысяч в месяц. И одно условие, которое я назову лично. Не в договоре.

— Вы ошиблись этажом, — сказала Вера. — Спрос с наверху.

— Я не ошибаюсь этажами, — впервые за одиннадцать дней он улыбнулся. — Я ошибаюсь людьми. Реже, чем раз в десять лет. Восемь вечера, Вера. Этот номер. Если не придёте — я пойму. Если придёте — тоже пойму.

Она собрала тележку и вышла, закрыв за собой дверь со щелчком, каким закрывают не дверь, а тему.

И только в лифте, между восемнадцатым и седьмым этажами, почувствовала, что дрожат руки. Не от страха. От того, что впервые за три года кто-то назвал её по имени — и сказал: «через месяц». Не «если выживаете», не «временно». Через месяц.

Глава 2. Конверт

В субботу утром на столике 1808 её ждал конверт без надписи. Внутри — чек, сумма на котором заставила Веру сесть прямо на край кровати, накрытой ею же сегодня, и одна строчка, выведенная жёстким, почти чертёжным почерком:

«Ужин отменяется. Решение примете сейчас. Стр. 1 тетради — ваше условие».

Тетрадь лежала сверху. Тёмно-синяя, без титула. Вера открыла первую страницу и поняла, что собственных сил не хватит: он знал о ней всё. Имя, диплом с отличием, сумму долга за квартиру, дату увольнения с прошлой работы — и причину, о которой она не рассказывала даже маме.

Внизу страницы стояла одна строка: «Я не покупаю людей. Я возвращаю им цену, которую у них украли».

Она сидела в номере, который сама убрала час назад, и слушала, как за спиной открывается дверь. Артём Владимирович вошёл без стука — это был его номер, ему и не нужен был стук.

— Вы читали? — спросил он.

— Я горничная, — сказала Вера, не вставая. — Я читала, что оставляют постояльцы.

— Вы тот человек, который восемь дней менял полотенца в номере, где жилец не спал. И ни разу не спросила почему. Это либо равнодушие, либо дисциплина. Мне нужна вторая.

— А ваше условие?

— Условие одно, — он сел напротив, на расстоянии, которое соблюдают переговорщики, а не работодатели. — Никогда не врать мне. Даже из вежливости. Даже чтобы не ранить. Даже чтобы спасти. Если согласны — чек ваш. Если нет — конверт, дверь и моя забывчивость, я умею забывать фамилии.

— А если я совру?

— Тогда я узнаю. И узнаю позже, когда будет дороже всего.

Вера посмотрела на чек. На тетрадь. На человека, который одиннадцать дней сидел у окна, глядя на город, как на врага, о котором нельзя говорить вслух.

— Согласна, — сказала она. И впервые за три года посмотрела кому-то в глаза.

Глава 3. Первый рабочий день

В понедельник в восемь утра Вера стояла на сорок втором этаже башни «Вершина» — той самой, что виднелась из окна номера 1808, — и впервые за три года носила не униформу, а собственное платье. Единственное, купленное четыре года назад на защиту диплома. Оно сидело чуть свободнее в талии — три года бутербродов и ночных смен взяли своё, — но в зеркале лифта Вера выглядела как человек, который куда-то идёт по делу. Ей самой это нравилось меньше, чем она ожидала: дело начиналось не с работы. Дело начиналось с человека, который ждал её за стеклянной дверью с табличкой «А. В. Ратмир. Приёмная».

Секретарша — лет сорока, идеальная стрелка на глазах, голос телефонного автоответчика — подняла на Веру взгляд и измерила её за две секунды. Взгляд сказал: «Одна из этих». Вера уже знала таких женщин. Они встречались ей в ночных клубах, где она официантничала в студенчестве, и всегда смотрели одинаково — как на помеху в чужом расписании.

— Вера Ковалёва, — сказала Вера ровно. — Артём Владимирович ждал меня к восьми.

— Артём Владимирович никого не ждёт, — ответила женщина и опустила глаза на клавиатуру. — Он ждёт результаты. Вы — не результат.

Дверь за её спиной открылась сама.

— Зина, — произнёс Артём Владимирович негромко, но так, что звук до конца коридора. — Кофе. Два. И перенеси Совет директоров на одиннадцать тридцать. Я объясню почему на совете.

Он не сказал «доброе утро». Он сделал шаг в сторону — приглашение без приглашения — и Вера поняла: он проверяет, как она входит. Быстро, поджав хвост, или так, как вошла в номер 1808 — медленно, глядя в глаза.

Она вошла так же, как тогда.

— Садитесь здесь, — он указал не на стул напротив своего стола, а на кресло сбоку — рядом, на одной высоте, без стола между ними. — Первое. Вы будете видеть всё, что происходит в этом офисе. Документы, разговоры, лица. Всё, что увидите, останется здесь — это в договоре. Второе. Вы будете говорить мне правду в лицо. В том числе, когда я не прав. Особенно когда я не прав. Третье...

Он замолчал. Смотрел на неё так, как в номере смотрел на город — на врага, о котором нельзя вслух.

— Третье?

— Третье — моё условие из субботы, — он взял со стола тёмно-синюю тетрадь и закрыл её ладонью. — Вы обещали не врать. Я обещаю не касаться. Тетрадь не трогать, вопросов не задавать. Если однажды зададите — я отвечу. Но этого дня может не наступить. Согласны?

— Согласна. И четвёртое, — Вера села в кресло, выпрямив спину. — У вас в номере одиннадцать дней никто не забирал завтрак. Вы не спите. Вы пьёте только чёрный кофе и одну сигарету за ночь, не выкуривая её до конца. Я горничная — я вижу человека по номеру. Вы умираете от чего-то медленно, и вам нужен ассистент не для работы, а для того, чтобы кто-то был рядом, когда оно догонит.

В приёмной перестали стучать по клавиатуре.

Артём Владимирович смотрел на неё долго. Потом сделал то, чего не делал, по её подсчётам, одиннадцать дней, — усмехнулся по-настоящему, углом рта, с искоркой.

— Договорились, — сказал он. — Забирайте тетрадь со стола. С сегодняшнего дня вы отвечаете за её сохранность физически. А я — за то, чтобы к концу месяца у вас была своя квартира, а не съёмная с хозяйкой-паникёршей. Это окупаемость: уставший от быта ассистент стоит мне дороже, чем квартира.

Вера взяла тетрадь. Тёмно-синяя обложка была тёплой — он держал её в руках, пока говорил. Между страниц что-то лежало: тонкий конверт, почти пустой, с одной строкой внутри.

Она не открыла. Правило третье работало в обе стороны.

К обеду Вера разобрала четыреста писем, узнала в лицо восемь человек Совета и поняла главное: в этом офисе её боялись не как нового человека. Её боялись, как человека, которого он впервые за годы пустил за стеклянную дверь. Зина смотрела на неё как на замену. Мужчины из проекта «Ключ» — как на деталь чужого механизма, назначение которой им не объяснили.

А в четыре часа дня позвонил человек, которого Вера никогда не слышала, — и сказал в трубку фразу, от которой холодно стало пальцам:

— Передайте Артёму: Долина вышла на поверхность. Он знает, что делать с тем, что осталось от 2019-го.

Вера положила трубку. И поняла, что правило третье — «не касаться» — ей придётся нарушить раньше, чем через месяц.

Потому что тетрадь на её столе дрогнула — и открылась сама, на середине. На странице была наклеена фотография: Вера, три года назад, в другом городе, с другим именем на бейдже. И подпись его почерком: «Теперь мы квиты, Ковалёва».

Глава 4. Война в приёмной

Зинаида Павловна воевала так, как воюют женщины, которые держат один рубеж уже восемь лет, — не атаками, а мелкой осадой.

В первый же день Вера обнаружила, что её сообщения до Артёма Владимировича задерживаются на двадцать минут. Во второй — что из списка рассылки Совета её имя «случайно» вычеркнули. На третий день Зина лично поставила на стол Веры чашку кофе и сказала с улыбкой телефонного автоответчика:

— Вы хорошо держитесь, Вера Сергеевна. Но такие, как вы, держатся до первого декабря. Потом уезжают. Все уезжали.

— До первого декабря? — Вера не притронулась к кофе. — Что случится первого декабря?

— Совет утверждает проект «Ключ». И тогда станет ясно, зачем Артёму Владимировичу горничная. Кстати, — Зина налила себе кофе из той же кофемашины, демонстративно, — я вам принесла не из доброты. Я принесла его, чтобы вы поняли: я всё вижу. Видела, как он вам тетрадь передал. Из рук в руки. За восемь лет — ни разу.

Вера смотрела на неё, и в груди медленно поднималось то самое, старое, из другой жизни: холодная ясность, с которой она три года назад — под другим именем, в другом городе — разбирала людей на винтики.

— Зинаида Павловна, — сказала она тихо. — Вы спросили, зачем ему горничная. А я спрошу вас: зачем человек, который восемь лет безупречно ведёт приёмную, тормозит её документы? Разве это не первый вопрос Совета, когда он спросит, что случилось с потоком писем за эту неделю?

Улыбка Зины не дрогнула. Дрогнула рука, наливавшая кофе — тонкая струйка на секунду зашла мимо чашки.

В тот же вечер задержка писем исчезла. Зина не сказала ни слова. И это было хуже.

Тетрадь

Вечером в среду Вера осталась дежурить допоздна — Артём Владимирович с утра не вышел из переговорной, «Ключ» съедал его целиком, и он, кажется, снова не спал. Тетрадь лежала у неё в ящике стола. На замке — но замок был детский: она открыла его скрепкой за восемь секунд ещё в понедельник и с тех пор себя презирала.

Сегодня скрепка дрожала в пальцах.

«Если однажды зададите — я отвечу. Но этого дня может не наступить».

Вера открыла тетрадь на середине — там, где фотография. Она, три года назад, униформа сети отелей «Восход», бейдж с именем «Ника». Далёкий южный город, отель на четыреста номеров, и вечер, когда она — тогда ещё Ника, стажёрка с факультета гостиничного дела — заметила то, чего не заметил никто: схему в системе бронирования. Номера, бронируемые пустыми компаниями, перепродаваемые втридорога, отмывающиеся через кассу отеля. Она написала докладную. Докладная исчезла. Через неделю исчез и генеральный менеджер отеля — его увели в наручниках в коридоре службы номерного фонда, мимо неё, и он, проходя, сказал ей одно слово, тихо, одними губами.

Слово было «Долина».

Дело замяли. Веру — Нику — уволили «по сокращению». Она сменила имя в документах не потому, что пряталась: просто после того коридора ей не хотелось быть той, кем её знали там. А через полгода умерла мама, и Вера переехала, сгорела, стала горничной — человеком, который смотрит в пол.

И теперь этот человек сидел в кресле Артёма Ратмира, держала на коленях его тетрадь и понимала, что фотография вклеена не для неё.

Она перевернула страницу. Под фотографией, его чертёжным почерком, шёл список — фамилии, суммы, даты. Последняя строка, самая свежая, была обведена дважды: «К. Долина. 14.12. Утверждение. Совет».

Первого декабря.

Зина знала. Или Зина была частью этого.

Ночь, когда он рассказал

В одиннадцать вечера Артём Владимирович вышел из переговорной — один, в расстёгнутом пиджаке, с видом человека, проигравшего раунд, о котором никто не знал. Увидев свет в её кабинете, он остановился в дверях.

— Вы всё ещё здесь.

— Вы всё ещё не спите, — ответила Вера. — Одиннадцать дней я считала. Сегодня двенадцатый.

Он вошёл. Не сел. Стоял у окна, глядя вниз, на город, — так, как глядели в номере 1808.

— В 2019 году я подписал договор, — сказал он ровно, как диктуют слева направо. — Проект «Долина». Курорт, юг, четыреста номеров. Отель-побратим моей первой сети. Я подписал, не проверив цепочку собственников — проверил партнёр. Человек, которому я доверял больше, чем жене, если бы она у меня была. Через восемь месяцев по этой цепочке пошли пустые компании. Деньги отеля уходили на сторону. И когда всё это вскрылось, вскрылось не само — его открыл один человек. Стажёрка. Сделала докладную, которую ни один из моих юристов не рискнул сделать. Докладную утопили. Её выдавили с работы. А через год из-за этого дела за решётку пошёл не Долина. Пошёл тот партнёр. Мой партнёр. Он был виноват — но судили его по делу, в котором не было главного: имени того, кто это всё строил. Настоящего имени. Оно до сих пор не названо. Оно до сих пор сидит в совете директоров «Долины» и четырнадцатого декабря собирается утвердить слияние — законное, чистое, белое — и войти в мою компанию той же дверью, которой вошло в отель.

Он повернулся. В первый раз за двенадцать дней Вера увидела его глаза не уставшими — пустыми. Так пустеют, когда кончается всё, чем человек себя держал.

— Я искал эту стажёрку три года, Вера. Мне нужны были её показания — живые, изнутри отеля, из тех недель. Она исчезла. Менялись фамилия, город, работа. Я нашёл её в пятницу. В очереди горничных на восемнадцатом этаже.

Тишина стояла такая, что было слышно, как внизу, в сорока этажах, ложится ночной город.

— Вы знали с первого дня, — сказала Вера. — Конверт. Чек. «Тетрадь не трогать». Это была не доверенность. Это была приманка.

— Это была надежда, — сказал он без выражения. — Что ты сама мне скажешь. Что не будешь той, кем тебя сделали: человеком, который смотрит в пол. — Он усмехнулся углом рта, без искорки. — Я ошибся в людях реже, чем раз в десять лет. Ты — четырнадцатая ошибка, если считать с девяносто восьмого года.

— Артём Владимирович...

— Ник, — сказал он. — Тебя звали Ника. Я знаю, что ты открываешь детский замок скрепкой за восемь секунд. Я ждал сегодня, что ты сядешь и прочтёшь. — Он кивнул на тетрадь. — Читай дальше. До конца страницы. Там то, что я готов дать за твои показания. И там то, почему я не сплю двенадцать дней.

Вера опустила взгляд на страницу. Список заканчивался строкой, выведенной с нажимом, продавившей бумагу:

«Ника. Я не собираюсь тебя судить. Я собираюсь с тобой идти. Условие прежнее: не врать. Даже теперь. Особенно теперь».

Она подняла голову — и впервые за вечер увидела, что он боится. Человек, перекладывавший её на ладони, как пачку бумаг, стоял у окна своего сорок второго этажа и боялся ответа горничной.

— Я не соврала вам ни разу, — сказала Вера. — Проверьте.

— Я и проверил, — тихо сказал он. — Поэтому и не сплю. За двенадцать дней ты ни разу не соврала — и ни разу не спросила. Я ждал хотя бы одного. Ты даже скрепку в замок вставила молча.

— Я боялась, — сказала Вера. И это была первая правда, которую она сказала ему не в ответ на условие, а сама.

Он сел. Впервые — не в кресло переговорщика, а просто на стул рядом с её столом, локтями на колени, как сядет уставший человек, а не начальник.

— Четырнадцатого декабря они утверждают слияние, — сказал он. — У меня трое суток, чтобы сломать голосование. У тебя — трое суток, чтобы решить, готова ли ты снова стать Никой. В зале заседаний будут люди, которые утопили твою докладную. Один из них, — он посмотрел ей в глаза, — будет Зина.

Глава 5. Трое суток

Вечером пятницы Артём Владимирович разложил на столе переговорной план Совета — и Вера впервые увидела, как воюет человек, который не спит двенадцать дней, но не теряет ни минуты.

— Слушайте внимательно, — сказал он, расчерчивая на бумаге схемы. — Совет — девять человек. Трое проголосуют против слияния, что бы я ни делал: Стрельцов, Ким, я. Трое — за: их купили ещё осенью, и мы знаем, чем. Это Дубровин, Ланская и Хасия. Они не люди — это арифметика. Трое колеблются: Полякова, Гридчин и Абрамов. Они решат голосование. И одна позиция — Зина. Она не голосует. Но она ведёт протокол, готовит материалы и держит ниточку ко всем троим колеблющимся. Кто контролирует приёмную — контролирует Совет. Двенадцать лет это контролировала она. Значит, в понедельник вопрос один: чья она.

— А если не чья ни ваша, ни их? — спросила Вера.

— Тогда она чья-то четвёртая, — он посмотрел на неё тяжело. — И это худший вариант из всех. Потому что четвёртая сторона — Долина. И если Долина войдёт в совет через слияние, то войдёт не как участник. Как хозяин.

Заложник

Зину они нашли в приёмной — в субботу, в половине восьмого вечера. Она сидела за своим столом в пустом офисе, под одной настольной лампой, и что-то печатала, не глядя на них. На столе, рядом с клавиатурой, лежала открытка. Не праздничная. Старая, выцветшая, с видом южного города.

Вера узнала этот вид раньше, чем себя. Отель «Восход». Вид с четвёртого этажа, из коридора службы номерного фонда.

— Зинаида Павловна, — сказал Артём тихо. — Покажите вторую открытку. Ту, которую вы не оставляете на столе.

Руки Зины остановились над клавиатурой. Впервые за три дня Вера увидела, как у идеальной женщины с идеальной стрелкой дрожат веки.

— В 2019 году у вас был сын, — продолжил он ровно, как диктуют слева направо. — Ему было одиннадцать. Вы отправили его к сестре в Псков за месяц до того, как начались проверки. Потому что вы знали: проверки будут. Вы вели бухгалтерию «Восхода», Зинаида Павловна. Вы знали всё — и вас вытребовали держать язык за зубами. Двенадцать лет вы держите приёмную, потому что приёмная — это позиция, с которой видно всё. И потому что тот, кто держит ваш язык, держит то, что вам дороже компании. Пашки.

Зина медленно подняла на него глаза. И Вера увидела в них не женщину, которая воевала с ней три дня. В них была усталость такой глубины, что рядом с ней двенадцать бессонных ночей Артёма показались отпуском.

— Вы всё-таки дошли, — сказала Зина ровно. — Двенадцать лет ждала, что доедете. Или что придёт она. — Кивок на Веру. — Докладную я вела мимо его юристов, Артём Владимирович. Именно поэтому она утонула не сразу. Я выгадывала ей три недели. Три недели, чтобы девочка уехала, пока не стало поздно. Поэтому и сказала ей в коридоре одно слово. Не угроза. Предупреждение: беги.

— Долина держит Пашку? — спросила Вера тихо.

— Долина держит всё, что когда-то держало «Восход», — Зина сняла очки и впервые за восемь лет выглядела на свои пятьдесят три. — У меня двенадцать лет длинные руки. И у меня есть сын. Выбирайте, что вы назовёте трусостью. Я называю её жизнью моего ребёнка.

Тишину нарушил Артём Владимирович — не голосом. Он положил на стол перед Зиной тонкую папку.

— Тогда слушайте план, — сказал он. — Потому что в понедельник в зале Совета будут люди, которых Долина держит деньгами. Я не могу их перекупить — перекупка закончится тем же, что в 2019-м: вскрытием и вторым судом. Могу только одно: голосовать буду не я. Голосовать будет протокол. И его будет вести человек, который двенадцать лет рисует стрелки на глазах. Зина. Три колеблющихся не куплены — они напуганы. Напуганных не покупают. Напуганных спрашивают правду в лицо. Ты умеешь это лучше всех в этой компании.

— А если я скажу им правду в лицо, и они проголосуют против меня? — Зина надела очки обратно. Стрелка вернулась. — Пашке об этом сообщат к вечеру.

— Не сообщат, — сказал Артём Владимирович. — Потому что к вечеру понедельника у Долины не будет правды, которой её можно шантажировать. Она будет в зале Совета. Опубликованная. Легально. С моими юристами. Три года, Зинаида Павловна, я не спал, потому что не мог назвать имя. В понедельник я назову его в протоколе. И пусть Долина после этого держит кого-то за язык. Языки будут свободны — все.

Ночь накануне

В воскресенье ночью, за несколько часов до Совета, они остались в офисе вдвоём. Артём Владимирович сидел у окна четырнадцатый день подряд — и Вера подошла впервые.

— Тринадцать, — сказала она, глядя на его отражение в тёмном стекле. — Сегодня тринадцатая ночь.

— Считаешь? — он не повернулся.

— Считаю. И предлагаю сделать ставку. Если завтра Долина проиграет — вы спите. Всю ночь. В номере 1808 или здесь, не важно. Если выиграет...

— Если выиграет, — он усмехнулся углом рта, и впервые за тринадцать дней в усмешке была искорка, — я тоже сплю. Первое время за три года. Потому что будет наконец с чего.

Вера замолчала. Слова, которые она хотела сказать, были ненужными — всё, что важно, он уже написал в тетради, и она прочитала до последней строки. «Я не собираюсь тебя судить. Я собираюсь с тобой идти».

— Артём Владимирович, — сказала она всё-таки. — Я была Никой. Три года. Я вернулась той, кем меня сделали. Завтра в зале Совета я впервые скажу своё настоящее имя вслух. Хотите знать, что чувствует человек, когда снимает маску?

— Хочу, — сказал он и повернулся.

— Ничего, — Вера улыбнулась. — Человек чувствует только то, что маска была тесной.

За окном поднималось рассветное небо — над сорока двумя этажами, над номером 1808, над городом, где трое колеблющихся сегодня решат, кто владеет компанией, а кто — только её тетрадью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.